

нашего собственнаго народа; лектура сдѣлалась бы общею для всѣхъ людей, а вмѣстѣ съ нею и воспитаніе, идеалы, убѣжденія, стремленія, — и народы сблизились бы въ одну семью. Вынужденные дѣлать свое время между различными языками, мы не въ состояніи какъ слѣдуетъ отдаться ни одному изъ нихъ, и потому съ одной стороны рѣдко кто изъ насъ владѣетъ въ совершенствѣ даже роднымъ языкомъ, а съ другой стороны сами языки не могутъ какъ слѣдуетъ вырабатываться, и, говоря роднымъ языкомъ, мы вынуждены часто или заимствовать слова и выраженія у другихъ народовъ, или изъясняться неточно и даже мыслить неповоротливо вслѣдствіе недостаточности языка. Другое дѣло было бы, если бы каждый изъ насъ имѣлъ только два языка, — тогда мы бы лучше ими владѣли, а сами эти языки могли бы болѣе обрабатываться и обогащаться и стояли бы гораздо выше, чѣмъ каждый изъ нихъ стоитъ теперь. А вѣдь языкъ это главный двигатель цивилизаціи: благодаря ему мы такъ возвысились надъ животными, и чѣмъ выше стоитъ языкъ, тѣмъ скорѣе прогрессируетъ народъ. Различіе языковъ составляетъ сущность различія и взаимной вражды національностей, ибо это прежде всего бросается въ глаза при встрѣчѣ людей: люди не понимаютъ другъ друга и потому чуждаются другъ друга. Встрѣчаясь съ людьми, мы не спрашиваемъ, какія у нихъ политическія убѣжденія, на какой части земнаго шара они родились, гдѣ жили ихъ предки нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ: но эти люди заговариваютъ, и каждый звукъ ихъ рѣчи напоминаетъ намъ, что они намъ чужіе. Кто разъ попробовалъ жить въ го-